

Хоть Вэй Бинцин и отчитал ученика, в душе он тоже питал сомнения. Цинь Чжэн, чутко уловив секундное колебание на лице учителя, нарочно принялся молотить вздор, чтобы озвучить эти мысли вслух. Теперь, когда нужные подозрения занозой засели в голове Цуй Шэна, цель была достигнута, и юноша поспешил вовремя остановиться.

— Моё невежество не знает границ, а манеры оставляют желать лучшего, — сокрушённо вздохнул он. — Прошу вас, правый посланник Цуй, не держите зла на мою глупость.

Цуй Шэна едва не трясло от злости. Смерив юношу тяжёлым взглядом, он процедил:

— Слишком ты молод, юный герой Цинь, и совсем не знаешь, насколько коварен цзянху. Небылицы о том, будто праведные школы могут нарочно оговаривать демонический культ, не стоят и ломаного гроша. Хорошо, что ты высказал это мне, но если подобные речи дойдут до чужих ушей, тебе не отмыться от слухов о связях с нечистью.

Будь это его собственный ученик, Цуй Шэн живо спустил бы с него шкуру. Но в присутствии хозяина виллы пришлось умерить пыл. Замяв спор, он повернулся к Вэй Бинцину:

— Хозяин виллы Вэй, я просил бы вас дать ясный ответ. Каждая минута на счету, мне пора возвращаться с докладом. Если праведные ордена откажут нам в помощи, Залу Высочайшей Справедливости останется лишь принять неравный бой и погибнуть.

Вэй Бинцин небрежным жестом приказал Цинь Чжэну отойти назад и вежливо ответил гостю:

— Вилла Обширных Холодов не останется в стороне и протянет вам руку помощи. Мы сделаем так, как вы просите: через три дня наши люди придут в условленное место.

Цуй Шэн просиял и поспешно поклонился, сложив ладони:

— Ваше благородство не знает границ, Хозяин виллы Вэй! Весь Зал Высочайшей Справедливости будет вечно благодарен вам за это решение. Не смею более докучать вам своим присутствием. Позвольте откланяться!

Обменявшись прощальными любезностями, Вэй Бинцин проводил гостя к воротам. Когда он вернулся в зал, его лицо вновь омрачила свинцовая дума. Ожидавший у дверей Цинь Чжэн негромко спросил:

— У вас остались сомнения, учитель?

Вэй Бинцин грустно усмехнулся:

— Всё, что ты наговорил, недалеко от истины. Но крупные школы обязаны вмешаться. Иначе

на нас тут же навесят клеймо малодушных трусов, предавших идеалы справедливости.

Цинь Чжэн лишь плечами пожал:

— Истинная добродетель — она в сердце, а не на языке. Какое нам дело до чужих пересудов?

— Это в тебе бушует юношеский пыл, Чжэн-эр. Ты забываешь, что человек живёт ради чести, как дерево держится корой. Нынешнее величие виллы Обширных Холодов строилось поколениями предков. Сейчас за каждым нашим шагом следят сотни глаз. Я не хочу давать пищу для сплетен и навлекать на нас лишние беды.

Вэй Бинцин тяжело вздохнул, устремив взор куда-то вдаль, и продолжил:

— В этот раз ты возглавишь отряд поддержки вместе с Су Ханем. Мечи без нужды не обнажайте, невинных не губите. И постарайся разузнать побольше о том, что у тебя вызвало подозрения. Главное — держитесь в тени и не лезьте на рожон.

Цинь Чжэн согласно кивнул. Учитель, по сути, велел им просто разыграть комедию — прийти и постоять в сторонке. Дело-то тёмное, кто прав, кто виноват — чёрт ногу сломит. Помогать они станут лишь в самом крайнем случае, если Зал Высочайшей Справедливости окажется на грани гибели, а до тех пор лучше держаться от этого водоворота как можно дальше.

Вэй Бинцин всегда отличался осторожностью и дальновидностью. Незнакомцам он казался покладистым, мягкотелым простаком, но Цинь Чжэн прекрасно знал: его учитель видит людей насквозь и всегда держит туза в рукаве. Он никогда не принял бы решения, не взвесив в уме каждый возможный исход сотни раз.

В этом плане самому Цинь Чжэну до учителя было далеко. Для него мир делился строго на чёрное и белое, правильное и ложное. Если дело казалось ему правым, он шёл до конца; если гнилым — не согласился бы и под страхом смерти. Он привык жить по совести, отчего частенько молот несусветную чушь невпопад, заставляя почтенных мужей хвататься за головы от его наглости. Старейшины списывали это на юношеский пыл, несдержанность и святую наивность — посмеивались да забывали.

Но сам Цинь Чжэн шутить не любил. Раз уж решил быть зрителем, то останется им до конца. Спустя три дня, распределив роли для предстоящего «спектакля», он вместе с Су Ханем и отрядом учеников спустился с гор, неся мечи за спинами.

Главная усадьба Зала Высочайшей Справедливости располагалась на пике Чжужуй, что высился среди гор Облачного Помоста. К моменту прибытия отряда виллы вся гора напоминала растревоженный улей, ошетилившийся плотными дозорами. Впрочем, призыв о помощи не остался без ответа: под крышей Зала собрался пёстрый цвет праведных школ Поднебесной. Хозяин усадьбы рассыпался в вежливых благодарностях, а почтенные мужи наперебой клялись стоять за него горой.

Цинь Чжэн весь совет промолчал, стараясь не привлекать внимания, и в итоге ему поручили охранять неприметные горные тропы на склонах — назначение, которое пришлось юноше как нельзя кстати. Не теряя времени, он приказал ученикам разведать местность и перекрыл все лазейки, ведущие к пику Чжуюй и обратно.

Оставалось лишь дожидаться появления демонического культа.

Когда настал тот самый день, далёкий звон стали и яростные крики доносились даже до отдалённых ущелий. Цинь Чжэн вальяжно устроился на толстой ветке дерева. Под свист горного ветра и щебет птиц он лениво хрустел сочным яблоком, размышляя, как подобраться к разгадке трагедии семьи Лю и узнать истину. По счастливой случайности Су Хань караулил соседнюю тропу совсем близко от него. Дождавшись момента, Цинь Чжэн повязал лицо заранее припасённым лоскутом чёрного шёлка и тенью скользнул к посту младшего брата.

Су Хань относился к делу куда серьёзнее. Ему редко выпадал шанс спуститься с гор, да ещё и оказаться в самом эпицентре чужой резни. Юноша проклинал судьбу за то, что его оставили в этой глуши, лишив возможности увидеть настоящую сечу собственными глазами. Он буквально весь извелся от нетерпения, высматривая на тропе хоть кого-нибудь: пускай даже захудалого дезертира, на котором можно было бы испробовать фамильный меч.

Но небо судило иначе. Вместо израненного врага из зарослей бесшумно соткался закутанный в чёрное старший брат-наставник.

Су Хань вздохнул и опустил клинок. Сразу догадавшись, какую каверзу задумал этот пройдоха, он недовольно буркнул:

— Вчера ты мылся в ванне с лепестками, и теперь от тебя за версту несёт цветами. Чужие, может, и не поймут, а я этот запах сразу признал. Старший брат, что ещё за маскарад?

Поняв, что маскировка треснула по швам, Цинь Чжэн стянул повязку:

— Ну и нюх у тебя, прямо как у гончей. Неужто так сильно пахнет?

Су Хань хмуро кивнул:

— Благоухаешь точно девица на выданье — аж чихнуть тянет.

Цинь Чжэн пихнул его локтем в бок:

— Так твоя же вина! Я ведь просил не бросать эту дрянь в воду, а ты вывалил целую корзину! То-то я гляжу, сегодня с утра вся эта праведная братия — и монахи, и даосы — шарахалась от меня как от чумного. А я ещё думал, когда это успел им насолить.

Но Су Хань быстро посерьёзnel, его взгляд вновь устремился к туманной вершине.

— Слышишь, как сталь звенит? Там уже всю режут. Скоро всё закончится. Чего ты свою тропу бросил?

Цинь Чжэн прищурился, вглядываясь в дальние склоны:

— Как думаешь, кто одолеет?

Су Хань задумчиво потёр подбородок:

— Трудно сказать. О силе демонического культа ходят лишь смутные слухи, кто знает, каков он на деле. Но у Зала Высочайшей Справедливости поддержка солидная, собрались мастера не из робкого десятка. Да и числом праведники превосходят врага. Раз уж прихвостни культа сами прислали вызов и явились сюда, то в случае поражения им останется пенять лишь на себя.

Цинь Чжэн брезгливо фыркнул:

— Тебе не кажется, что наваливаться гурьбой на одного — это как-то низко? Коли принял вызов, изволь биться один на один. А принять бой и втихаря скликать дружков — мелко это, по-крысиному.

Су Хань удивлённо воззрился на него:

— Какая к чёрту честь перед отродьем тьмы! Разве они думали о совести, когда вырезали под чистую всю семью Лю?

— Мы ещё не знаем всей правды, — возразил Цинь Чжэн. — С чего все взяли, будто это их рук дело? Учитель тоже сомневается, оттого и велел мне всё разузнать.

— И ради этого ты нацепил маску? — Су Хань покачал головой. — Решил пробраться прямо туда?

— Ага, — кивнул Цинь Чжэн. — Разузнаю всё под шумок.

— Это безумие, — нахмурился Су Хань. — Наши примут тебя за прихвостня культа и прирежут не глядя. А слуги дьявола наверняка знают друг друга в лицо. Сразу поймут на лжи. Ты же сам лезешь в петлю!

Цинь Чжэн ласково коснулся рукояти меча:

— С твоими умениями ты бы там точно сгинул, дражайший братец Су. А за меня не переживай. Я смогу...

Договорить он не успел. На тихой тропе раздался торопливый, рваный топот ног. Оба юноши мгновенно умолкли и затаили дыхание, вглядываясь в заросли.

Из-за поворота выбежала молодая, статная женщина в разорванном дорожном платье. Преодолевая боль, она прижимала к груди десятилетнего мальчика. Следом за ней с улюлюканьем неслись полтора десятка преследователей, вооружённых тяжёлыми палашами. Цинь Чжэн с первого взгляда на их серые одежды определил: воины Нирваны Ракшаса. Эти бойцы полагались на грубую силу, пренебрегая искусством нэйгун. Их приёмы были простыми, но каждый выпад дышал яростью и не оставлял противнику шанса уцелеть. Орава здоровенных мужиков гналась за раненой женщиной с ребёнком — исход этой погони был очевиден. Беглянка едва держалась на ногах, хрипела от боли и вряд ли смогла бы добраться даже до подножия горы.

Цинь Чжэн нахмурился и привычным жестом натянул шёлковую повязку на лицо. Но стоило ему примериться к прыжку, как Су Хань мёртвой хваткой вцепился в его плечо:

— Обезумел? Решил в благородного спасителя поиграть? Не смей распускать нюни из жалости, они ведь из демонического культа!

Старший брат наградил его свирепым взглядом:

— Какое отношение ребёнок имеет к разборкам взрослых? Свора мужиков травит дитя точно зверя — разве это по-людски?

Су Хань мотнул головой в сторону бегущих:

— Да эта баба явно птица высокого полёта! Стали бы за простой девкой гнаться целой сворой?

— Вот как? — приглушённо донеслось из-под чёрной маски. — Тогда тем более: какое отношение женщина имеет к мужской драке? Толпа бородатых мужиков пытается прирезать бабу — и это у вас зовётся праведным путём?!

— Тебе обязательно лезть на рожон?! — прошипел побелевший от страха Су Хань. — Откуда в тебе этот зуд геройства взялся? Ты же наживёшь нам таких неприятностей, что вовек не расхлебаем!

Цинь Чжэн проигнорировал его слова. Раздался тихий, чистый звон — клинок покинул ножны. Похлопав опешившего товарища по плечу, он бросил через плечо:

— Сиди здесь и не высовывайся. Действуй по обстоятельствам. Если я не вернусь к сроку,

наври всем, будто учитель спешно отозвал меня обратно на виллу.

Прежде чем Су Хань успел схватить его за полу халата, один из преследователей на бегу взмахнул палахом. Свистящая волна ци сорвалась со стали и настигла беглянку. Удар пришёлся прямо под лопатку. Несчастная пролетела несколько чжанов и рухнула в пыль, зайдясь кровавым кашлем. Мальчик выскользнул из её слабеющих рук, покатился по земле и, заливаясь слезами, пополз к ней:

— Матушка!!!

Женщина из последних сил прижала сына к себе, заслоняя его собственным телом от неминуемой смерти.

Разбойники с победным оскалом обступили жертв, заноса тяжёлые клинки. Но стоило первому палашу начать падение, как слепящая вспышка холодной стали разрезала полумрак. Несколько человек вскрикнули, выронили оружие и рухнули на траву, забившись в судорогах. Цинь Чжэн с хирургической точностью поразил их акупунктурные точки, мгновенно лишив чувств. В ближайшие пару страж эти вояки точно не придут в себя.

Затянутый в чёрное Цинь Чжэн вырос прямо перед опешившей толпой. Он небрежно покрутил в пальцах клинок, приглашая уцелевших к бою.

Юноша не собирался проливать кровь попусту — его целью было спасти невинных и увести погоню за собой. Однако один из громил, опомнившись быстрее остальных, с диким рыком замахнулся на раненую женщину. Цинь Чжэн среагировал мгновенно. Он метнул меч: стальное жало серебряной молнией прочертило дугу и начисто отсекло негодяю кисть.

Отрезанная рука шмякнулась в грязь. Громила завыл от невыносимой боли, зажимая сочащуюся культю. Оставшиеся разбойники оцетинились сталью и плотным кольцом обступили дерзкого юношу. С невероятной лёгкостью, едва касаясь носками травы, Цинь Чжэн скользнул назад, прикрывая собой беглецов. Поймав вернувшийся в ладонь меч, он неторопливо стряхнул с лезвия алую влагу и направил остриё на преследователей:

— Оставьте их в покое, и я сохраню вам жизнь.

Старший среди нападавших брызнул слюной от злости:

— Долине Павшего Бессмертного сегодня пришёл конец! Ни одна тварь не уйдёт живой! Убейте его!

У Цинь Чжэна похолодело внутри. Значит, демонический культ обречён. Видя, с каким звериным упорством нападавшие рвутся закончить резню, он понял: договориться по-хорошему не выйдет. Юноша предельно сосредоточился, направляя внутреннюю силу по

меридианам. Его движения стали стремительными и неуловимыми. Он уворачивался от обрушивающихся сверху тяжёлых клинков, одновременно краем глаза следя, чтобы никто не проскользнул за его спину к незащищённым матери и сыну.

Разбойники рубили плеча — прямо, безжалостно, целясь исключительно в жизненно важные центры. Но Цинь Чжэн вырос на лучших техниках фехтования. Его защита была безупречной. Стройный и гибкий, он скользил между грузными телами врагов, точно ласточка в грозовом небе. С каждым его пируэтом в тяжёлом, пахнущем железом и потом воздухе расцветал шлейф тонкого цветочного аромата — нелепая, почти издевательская деталь среди этой бойни. Громилы бесились от бессилия. Они не могли ни достать его, ни предугадать следующее движение. Понимая, что полтора десятка отборных рубак не могут совладать с одним юнцом, нападавшие начали суетиться и совершать глупые ошибки.

Цинь Чжэн не упускал ни единого шанса. Действуя то остриём меча, то рукоятью, а то и просто раздавая тумаки руками и ногами, он щедро целил по уязвимым точкам. Под его пальцы попадали меридианы сна, безудержного смеха, рыданий и оцепенения. После нескольких стремительных атак земля вокруг оказалась усеяна стонущими, плачущими и неестественно хохочущими воинами. Тяжело дыша, предводитель банды уставился на юношу диким взглядом. За его спиной на ногах удержались лишь трое прихвостней.

— А ты хорош, — выплюнул вожак, утирая пот со лба. — Сразу видно, не из этих чернокнижников. Какая праведная школа вырастила предателя, что осмелился встать у нас на пути?

Цинь Чжэн намеренно скрывал истинные приёмы своей школы, чтобы не подставить виллу Обширных Холодов. Если бы он ударил в полную силу, трава давно окрасилась бы багрянцем. Юноша хмыкнул под маской:

— Считаю меня обычным прохожим, который очень не любит, когда обижают слабых!

Разбойники ошалело переглянулись.

Спрятавшийся в листве Су Хань прикрыл лицо ладонью.

— Наглец, не ведающий страха смерти! — взревел вожак.

Четвёрка противников рванулась вперёд. Предводитель действительно выделялся мастерством на фоне своих ополоумевших подчинённых, так что Цинь Чжэну пришлось всерьёз попотеть. К тому же юноша упрямо старался не проливать кровь, что сильно связывало его в движениях. Враги же, напротив, жаждали его смерти. Сталь свистела всё ближе. Очередной выпад задел плечо Цинь Чжэна, разорвав ткань халата, а в следующее мгновение тяжёлый палаш со свистом полетел прямо ему в темя.

В последний миг Цинь Чжэн изогнулся всем телом, проскользнув под смертоносным лезвием

невесомой снежинкой, подхваченной зимним ветром. С тихим кличем он скользнул в самую гущу строя. Сталь рассыпалась мириадами сверкающих искр. Разбойники даже не поняли, как их защита оказалась взломана: они приняли на себя невидимые, но сокрушительные удары высвобожденной ци. Колени громил подогнулись, и они дружно рухнули на землю. Лишь вожак упрямо пытался подняться, заноса клинок для последнего удара. В глазах Цинь Чжэна сверкнул ледяной блеск. Молниеносный выпад со спины — и остриё меча пробило грудь негодяя насквозь, навсегда лишив его возможности изрыгать проклятия.

Понимая, что на шум битвы скоро сбегутся новые отряды, Цинь Чжэн поспешил к раненой женщине:

— Госпожа, вы тяжело ранены. Вам срочно нужно укрытие и лекарь. Позвольте мне помочь вам уйти.

Женщина слабо покачала головой и тихо, угасающим голосом произнесла:

— Благодарю за спасение, молодой господин... Но не стоит. Вы не принадлежите к нашему культу. Вы и так пошли на огромный риск ради нас. Если свяжетесь с несчастной вдовой и сиротой, то лишь подпишете себе смертный приговор. Враги... они не оставят нас в живых.

Только теперь Цинь Чжэн смог разглядеть ребёнка. На вид мальчику было не больше десяти лет. Его бледные круглые щёки были испачканы грязью и кровью, но он не проронил ни звука, лишь судорожно цеплялся крошечными пальцами за подол материнского платья. Бросив взгляд ниже, юноша содрогнулся от гнева: оба колена несчастного дитя были изувечены глубокими порезами от меча. Становилось ясно, почему он не мог бежать сам.

Каким же бездушным чудовищем нужно быть, чтобы поднять руку на невинного ребёнка?

Цинь Чжэн одним движением стянул маску с лица и тепло улыбнулся:

— Если не брезгуете помощью посредственного бойца, позвольте мне защитить вас. Я хотя бы помогу вам выбраться из этого ада, а дальше будь что будет. Сейчас главное — выжить, а здесь оставаться нельзя. Вы сможете идти?

Женщина заколебалась, с тоской посмотрев на израненные ноги сына, но всё же кивнула:

— Я дойду... Но мой мальчик... Его ноги искалечены. Если бы вы могли...

— Я понесу его. Идёмте же.

Цинь Чжэн опустился на одно колено и протянул руки к ребёнку, но тот испуганно отшатнулся и замотал головой, до крови закусив нижнюю губу. Дитя никого не подпускало к себе.

Мать ласково коснулась его головы, стараясь успокоить:

— У матушки совсем не осталось сил, милый. Пожалуйста, доверься этому молодому господину. Если нас нагонят, мы все погибнем.

Для десятилетнего ребёнка, только что пережившего кровавую бойню и получившего тяжёлые раны, он держался поразительно стойко — ни единой слезы не скатилась по его щекам. Но в его глазах застыла стена глухого недоверия и первобытного страха. Цинь Чжэн не хотел брать его силой. Не убирая протянутых ладоней, он мягко произнёс:

— Меня зовут Цинь Чжэн. Я не причиню тебе вреда. Позволь мне унести тебя отсюда, хорошо?

Мальчик упорно молчал, но всматривался в лицо Цинь Чжэна так пристально, словно пытался заглянуть ему в самую душу.

У Цинь Чжэна была удивительно обаятельная улыбка. В ней не было ни лукавства, ни заносчивости праведных книжников — лишь чистая, согревающая душу искренность, подобная первому весеннему ветру. Он продолжал мягко улыбаться израненному мальчугану, надеясь растопить лёд в его сердце и поскорее увести их в безопасное место.

Однако на сей раз его чары не подействовали мгновенно, и в воздухе повисло неловкое молчание.

Цинь Чжэн тихонько кашлянул, пытаясь разрядить обстановку:

— Как твоё имя, малыш? Где ещё у тебя болит?

— Его... его зовут Су Цзыцин, — тихо произнесла мать. — Пострадали только ноги.

— Су Цзыцин? Какое красивое имя, — Цинь Чжэн осторожно придвинулся ближе, стараясь расположить мальчика к себе. — Больше ни один злодей к тебе не прикоснется, обещаю. Не бойся, братец Чжэн унесёт тебя отсюда, идёт?

У него уже онемели губы от натянутой улыбки и затекли руки. Цинь Чжэну начало казаться, что в окружении трупов его настойчивое дружелюбие выглядит не просто глупо, а зловеще, будто у какого-то безумца. Но в этот момент мальчик перестал разглядывать его лицо. Помедлив, он робко кивнул. Этот кроткий детский голос заставил сердце Цинь Чжэна сжаться от щемящей нежности.